

Из истории западной философии

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-8-91-105

Оригинальная исследовательская статья

Original research paper

Эволюция учения о сигнатурах вещей и языке Адама в «химической» философии XVI–XVII веков*

А.В. Карабыков

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Россия*

Аннотация

Цель статьи – проследить пути, по которым происходила трансформация доктрины о природных знаках (сигнатурах) в трудах представителей парацельсизма – одного из ведущих религиозно-философских течений позднего Ренессанса. Изменение этой доктрины рассматривается в контексте интенсивных размышлений о сущности изначального языка человечества и возможности его реставрации, которые отличали интеллектуальную жизнь той эпохи. Доказывается, что в свете «химической» философии возможность обретения первоизначального языка непосредственно зависела от владения искусством объяснения сигнатур, дававшим ключ корректному постижению природы. При этом сдвиги в осмыслении сигнатур влекли за собой трансформацию в постановке и решении адамической проблематики, что также не исключало обратной каузации. Выясняется, что наиболее ортодоксальные последователи Парацельса обращались к адамическому нарративу, как правило, для того, чтобы усилить легитимность символической герменевтики природы, разрабатываемой ими в основном из медико-фармакологических интересов. В свою очередь более независимые парацельсизанцы нередко уделяли больше внимания собственно лингвофилософским вопросам. Видя недостаточность «сигнатурной» доктрины для воссоздания первоязыка, они утверждали необходимость одной (или двух) из следующих мер: а) дополнение этой доктрины идеей о мистическом озарении свыше; б) принятие ее слабой версии, по которой природные знаки суть нечастые ориентиры, незначительно упрощающие эмпирическое изучение природы; в) отказ от поисков первоязыка в пользу создания его искусственной замены – универсальной знаковой системы.

Ключевые слова: ренессансный оккультизм, Книга Природы, символическо-аллегорическая герменевтика, Парацельс, розенкрейцеры, Освальд Кролл, Джон Уэбстер.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-011-00601 «“Книга Природы” в контексте герменевтических стратегий Возрождения и раннего Нового времени».

Карабыков Антон Владимирович – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского.

meavox@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9675-5429>

Для цитирования: Карабыков А.В. Эволюция учения о сигнатурах вещей и языке Адама в «химической» философии XVI–XVII веков // Философские науки. 2020. Т. 63. № 8. С. 91–105.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-8-91-105

Evolution of the Doctrine of Signatures of Things and the Adamic Language in the Chemical Philosophy of the 16th and 17th Centuries*

A.V. Karabykov

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

Abstract

The aim of the paper is to investigate paths along which a transformation of the doctrine of natural signs was developed in works by Paracelsians, forming one of the main religious and philosophic currents of Late Renaissance. The modifications of the doctrine are discussed in a context of intensive speculations on the essence of the primordial language of humankind and on the possibility of its restoration, which can describe the intellectual life of that epoch. It is argued that within “chemical philosophy” the possibility of restoration of the Adamic language directly depends on mastering the art of interpreting natural signs (*signatura rerum*), which can give a key to correct understanding of nature. And shifts in the conceptualization of such signatures involved transformations in formulating and solving of the Adamistic problems, which did not exclude reverse causation. It is also ascertained that the most orthodox followers of Paracelsus usually appealed to the Adamistic narrative in order to reinforce legitimacy of the symbolic hermeneutics of nature, developed with chiefly medico-pharmacological purposes. Meanwhile, relatively more independent Paracelsians often paid more attention to linguo-philosophic issues. Realizing the deficiency of the doctrine of signatures for reconstruction of the primordial language, they postulated the necessity of one (or two) of the following premises: (a) supplementing the doctrine with a mystical illumination; (b) acceptance of a weaker version, according to which natural signs are just sparse reference points slightly simplifying empirical study of nature; (c) abandonment of search for the *Ursprache* and constructing its artificial substitute, a universal semiotic system.

Keywords: Renaissance esotericism, Book of Nature, symbolic and allegoric hermeneutics, Paracelsus, Rosicrucians, Oswald Croll, John Webster.

* The research was supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 18-011-00601 “The ‘Book of Nature’ in the Renaissance and early modern hermeneutic strategies.”

Anton V. Karabykov – D.Sc. in Philosophy, Ph.D. in Philology, Professor, Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

meavox@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9675-5429>

For citation: Karabykov A.V. (2020) The Evolution of the Doctrine of Signatures of Things and the Adamic Language in the Chemical Philosophy of the 16th and 17th Centuries. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 63, no. 8, pp. 91–105.

DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-8-91-105

Основоположения Парацельса

Среди различных воззрений и замыслов, вдохновленных идеей воссоздать язык Адама, необычайно актуальной в XVI – первой половине XVII веков представляется одна довольно разветвленная линия мысли. Центральной фигурой в ее истории был Теофраст Парацельс (1493–1541), швейцарский врач и натурфилософ, основатель так называемой «химической» философии, один из творцов новой, пост-галеновской, медицины. Источники и принципы этой философии и медицины изучены в работах А.Г. Дебуса [Debus 1977], В. Пагеля [Pagel 1982], П. Майера [Майер 2014]. Зачинатель данной линии адамизма, Парацельс утвердил основополагающие принципы, которые отличали ее от прочих интеллектуальных течений, развивавшихся в русле ренессансного адамического проекта¹. В согласии с этими принципами, первоизданный язык человечества, отличавшийся большим соответствием бытию, чем позднейшие наречия, утрачен, однако может быть найден. Непременным условием этого служит познание сигнатур – природных знаков, которые Бог начертал в мироздании, созданном по преимуществу для человека. Анализ «сигнатурной» доктрины представлен в трудах М. Бианчи [Bianchi 1987], Т. Уилларда [Willard 1989], Х. Хаферлянда [Haferland 1989, 99–103], Дж. Боно [Bono 2008, 305–309]. Сам Парацельс определял искусство толкования сигнатур как «предустановленное» (*praedestinierten, signata*)². «Природа помечает каждую вещь таким образом, что из нее [самой] видно, для чего она [может быть] полезна»³ [Paracelsus 1930a, 86]. Такие пометы всегда почти сводятся к сходству меж-

¹ Анализ этого проекта в целом см.: [Карабыков 2014].

² Ср. такое же отождествление у Освальда Кролла: «...ex arte praedestinata, id est signata» (из искусства предопределенного, т.е. предустановленного) [Crollius 1643b, 38]. Попутно заметим, что этот значительный смысловой момент часто теряется в переводах (ср. английский и русский «эквиваленты» Парацельсова «die Kunst signata»: «the signatorial art» и «искусство обозначения» [Paracelsus 1894, 188; Парацельс 2005, 335]). Это отечественное издание, как и другие из известных нам русскоязычных переводов Парацельса, в научном отношении неудовлетворительны.

³ «Die natur zeichnet ein ietliches gewechs so von ir ausgêt zu dem, darzu es gut ist». Здесь и далее цитаты из первоисточников, за исключением «Исповедания» розенкрейцеров, даются в моем переводе. В сносках приводится

ду данным предметом и объектом его благотворного действия или применения. При этом сходство может проявляться в любом отношении, прямым или опосредованным способом [Sennertus 1619, 589; Porta 1619, 25–27]. Так что многообразие сигнатур включает в себя примеры очевидного подобия между вещью (будь то растение, минерал и т.д.) и, скажем, органом тела или признаками болезни, против которой она применяется. Но оно же объемлет умозрительно выводимые, теоретические опосредованные соответствия, приписываемые объектам, не имеющим на поверхности ничего общего. Примерами внешних сходств, говорящих о внутренних свойствах, изобилуют парацельсианские трактаты по медицинской ботанике. В одном из них, принадлежащем перу английского натуралиста Уильяма Коулза (1626–1662) читаем: «Грецкие орехи имеют совершенную сигнатуру головы. Наружная зеленая кожица представляет собой... кожу, покрывающую череп, на которой растут волосы, и потому соль, изготовленная из этой коры, – превосходное средство от ран головы. Внутренняя древесная скорлупа обладает сигнатурой черепа, а тонкая желтая оболочка, покрывающая ядро, [сигнатурой] жестких и тонких тканей, обволакивающих мозг. Ядро имеет точный образ мозга и потому весьма полезно для него...»⁴ [Coles 1657, 3].

На взгляд Парацельса и его последователей, Адам был первым, кто добыл искусство и теорию сигнатур из природных вещей, сделав его достоянием потомков. Владение им составляло квинтэссенцию Адамовой мудрости: относительно этого создание языка было не более чем довеском, имевшим скромное значение с точки зрения преобладавших интересов первочеловека. Рисуя образ Адама по собственному подобию, Парацельс представляет его прилежным исследователем природы, чьим основным желанием было обрести медицинское знание [Paracelsus 1930b, 185; Crollius 1643a, 210]. Таким образом, не будет ошибкой считать, что значение «предустановленного искусства» (*Kunst signata*) для разработки адамической проблематики в построениях Парацельса и многих его приверженцев было двойственным.

С одной стороны, корректное и полное объяснение природных знаков мыслилось как *sine qua non* в отношении создания (и воссоздания) изначального языка. Швейцарский натурфилософ не раз указывает на это, апеллируя к соответствующему сюжету Книги Бытия⁵: «Следует знать

оригинал соответствующего фрагмента. Там, где в ссылках отсутствует номер страницы, цитаты взяты из предисловий или других частей, не имеющих пагинации.

⁴ «*Wall-nuts have the perfect Signature of the Head: The outer husk or green Covering, represent the *Pericranium*, or outward skin of the skull, whereon the hair groweth, and therefore salt made of those husks or barks, are exceeding good for wounds in the head. The inner woody shell hath the Signature of the Skull, and the little yellow skin, or Peel, that covereth the Kernell of the hard *Meninga & Pia Mater*, which are the thin scarfes that envelope the brain. The *Kernel* hath the very figure of the Brain, and therefore it is very profitable for the Brain...*».

⁵ Ср.: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

сначала, что предустановленное искусство учит давать всем вещам верные имена. Наш праотец Адам знал и владел им в полной мере. Поэтому сразу по завершении Творения он дал всем вещам, каждой в отдельности, их особые имена. <...> И то, как Адам нарекал их, было весьма угодно Богу, ибо он (Адам. – А. К.) делал это, исходя из истинного основания: не из своих измышлений, а из предопределенного, или предустановленного, искусства, почему он и стал первым толкователем и создателем знаков»⁶ [Paracelsus 1928, 397]. Процветавшее на почве антропоцентрических и антропоморфических воззрений, самым значимым из которых была аналогия макро- и микрокосма, «сигнатурное» учение питалось – и само питало в свою очередь – безграничным эпистемическим оптимизмом, который исповедовал Парацельс. «Все то, что Бог создал на благо людям, Он дал им как собственность в руки, ибо не желал, чтобы оно оставалось утаенным. И пусть все это было создано сокрытым, Он не оставил их без внешних видимых знаков, которые бы указывали на особое предназначение [всякой вещи]», – утверждает швейцарский мыслитель⁷ [Paracelsus 1928, 393]. В силу этого оптимизма обретение первозданного языка не казалось ему слишком трудной задачей.

С другой стороны, превознесение *Kunst signata*, вполне понятное в свете парацельсианской доктрины, имевшей медико-философский характер, влекло за собой девальвацию собственно адамической проблематики. Эта тенденция проявлялась в значительном понижении онтологического «качества» и эвристического потенциала первоязыка. По мнению философа, первоязык был вторичным и до известной степени искусственным созданием по отношению к сигнатурам вещей. Парацельс полагал, что если язык Адама и заслуживает специального исследования, то лишь в качестве элемента великого знакового ансамбля, объединяющего природную и культурную области бытия. Соответственно, изучать его надлежало в этой пансемиотической перспективе [Bianchi 1987, 70; Haferland 1989, 101–102].

Остается добавить, что сам швейцарский мыслитель, охотно прибегавший к библейскому сюжету о наречении имен, весьма плоско понимал существо первоязыка, и это также свидетельствует о поверх-

И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...» (Быт. 2:19–20).

⁶ «da sollen ir erstlich wissen, das die kunst signata leret die rechten namen geben allen dingen. die hat Adam unser erster vater volkomlich gewußt und erkantnus gehabt. dan gleich nach der schöpfung hat er allen dingen eim iedweden seinen besondern namen geben <...> und wie er sie nun tauft und inen namen gab, also gefiel es got wol, dan es geschach aus dem rechten grunt, nit aus seinem gut gedunken, sonder aus einer praedestinierten kunst, nemlich aus der kunst signata, darumb er der erst signator gewesen».

⁷ «Dan alles was got erschaffen hat dem menschen zu gutem und als sein eigentumb in seine hent geben, wil er nit das es verborgen bleib. und ob ers gleich verborgen, so hat ers doch nicht unbezeichnet gelassen mit auswendigen sichtbarlichen zeichen, das dan ein sondere praedestination gewesen».

ности его лингвофилософских интересов. Парацельс полагал, что главное, чем отличался язык Адама от позднейших наречий, состояло в метафорической мотивированности имен, данных праотцем всем природным предметам [Paracelsus 1928, 397–398]. Подобная черта, на его взгляд, была присуща ивриту, который, однако, он не отождествлял с первоязыком человечества. Таким образом, важность владения «сигнатурным» искусством для установления имен могла объясняться лишь тем, что с помощью *Kunst signata* казалось возможным найти такой признак вещи, название которого будет положено в основу ее имени. Но если распространить этот вывод на ситуацию изначального именования, необходимо признать, что язык Адама в своих исходных элементах был произвольным, не отличаясь в этом от всех остальных наречий.

Альтернативы и продолжения

Обращаясь к другим adeptам доктрины о сигнатурах, мы можем заметить, что степень ее включенности в контекст адамических штудий заметно варьировалась в их работах. Духовные наследники Парацельса в большинстве своем придерживались взгляда, что, лишь постигнув природные знаки, Адам смог создать свой эпистемически и, по мнению некоторых, магически совершенный язык. Те же, чья работа над *signatura rerum* протекала в ином – не парацельсианском – русле, могли не усматривать сущностной связи между этими линиями мысли. Так, в своем знаменитом труде «Об оккультной философии» (*De occulta philosophia*, 1533) немецкий врач, гуманист, эзотерик Агриппа Неттесгеймский (1486–1535) уделяет внимание и собственно адамической, и природно-семиотической темам, но рассматривает их как лишенные прямого отношения друг к другу. Тем единственным, что роднит их, по мысли Агриппы, служит главенство астральной детерминации. Он утверждает, что, преуспев в понимании звездных влияний на мир, Адам создал имена в согласии с сущностями вещей [Agrippa 1533, 90–91]. Не без колебаний и двусмысленности автор «Философии» находит эти названия в иврите, отдавая дань иудейскому мистицизму [Agrippa 1533, 95–96]. С его точки зрения, Адам был прежде всего каббалистом, а не прилежным исследователем природы. Ибо, признавая наличие особых знаков в творении, Агриппа не устанавливает хотя бы отдаленное родство между ними и буквами иврита, которые одни «имеют наибольшее сходство с небесными телами и миром»⁸ [Agrippa 1533, 96]. Кроме того, в его построениях отсутствует мысль о том, что древнееврейские имена были созданы праотцем путем «перевода» природных знаков в собственно лингвистические. Другой теоретик – Джамбаттиста делла Порта (1535–1615), итальянский натурфилософ, высвобождавший астрологию и магию из традиционно-религиозного контекста, развивал учение о сигнатурах без всяких отсылок к библейскому и, в частности, адамическому нарративу. В его изложении

⁸ «[Hebraeae literae] habent similitudinem maximam cum coelestibus & mundo».

отцами этой доктрины являлись легендарные языческие мудрецы: Гермес Трисмегист, Орфей, Зороастр и т.д., – умевшие находить по сходству вещей их тайные силы (*arganes vires*), чтобы затем применять их в магии [Porta 1619, 25–27].

Переходя к приверженцам «химической» философии, рассмотрим сначала воззрения Освальда Кролла (ок. 1560–1608), германского оккультиста, одного из самых ортодоксальных парацельсианцев, развивавшего учение о сигнатурах в сфере медицинской ботаники. Вслед за своим учителем Кролл видит связь между созданием языка и «предустановленным искусством», постигнутым праотцем. Он тоже предпочитает сосредоточиться на изучении природных знаков, но, сдвигая на периферию адамическую проблематику, уже не делает ее тривиальной. Первоначальное установление имен окрашивается им в мистические тона и не имеет «слишком человеческих» компрометирующих подробностей. На взгляд немецкого эзотерика, Адам стал идеальным ономатетом не столько потому, что сумел опереться на *Kunst signata*, сколько в силу изначальной исключенности из общего строя природы, над которой был возвышен Творцом. Ему, единственному из земнородных, Бог сообщил свое дыхание, «тем научив знанию свойств всех вещей»⁹ [Crollius 1643b, 38–39]. Определенный богоподобием Адама, его язык загадочен, и Кролл не претендует на раскрытие его тайны. В отличие от Парацельса, он не сближает первоязык с ивритом или каким-либо иным конкретным наречием и не сводит его *raison d'être* к заурядному метафорическому переносу. Пиетет перед тайной, усиление мистического пафоса и в адамическом, и в природно-семиотическом отношениях свидетельствуют о том, что наш «химик» уже не разделяет безграничного эпистемического оптимизма своего учителя. Вместо этого он заостряет мысль о мистической элитарности «предустановленного искусства» и начального установления имен¹⁰.

Освальд Кролл был не единственным парацельсианцем, в чьем творчестве проявлялась тенденция к умалению веры в эвристическую силу «сигнатурной» доктрины. С гораздо большей отчетливостью она заявляла о себе в трудах позднейших представителей «химической» философии, разводя их в двух контрарных направлениях, начатки которых сочетались в мышлении Парацельса. Одна часть «химиков» тяготела к позитивно-эмпирическому исследованию знаков и подобий в природном мире, пытаясь примирить парацельсианство с бэконизмом и/или университетским галенизмом и аристотелизмом (Даниил Зеннерт,

⁹ «Deus enim omnium rerum vires ac Naturam hominem ipsum [uno tantum spiritus Divini afflatu] docuit».

¹⁰ Ср.: «Эти таинственнейшие из тайн были всегда сокрыты от философствующей черни и более всего тогда, когда люди стали злоупотреблять познанием, обращая ко злу то, что было даровано Богом для здоровья и пользы» («*Haec secretorum secretissima semper fuerunt occultata a vulgo philosophantium, & maxime postquam Homines coeperunt abuti Sapientia, disponentes ad malum, quam Deus in salutem & utilitatem eorundem concesserat*») [Crollius 1643a, 211].

Уильям Коулз, Вольфганг Фабриций). Другая их часть переходила на мистический путь, утверждая необходимость сверхъестественной иллюминации для успешного познания сигнатур. Первым принадлежит создание слабой версии *Kunst signata*. Согласно ей, объем природных знаков весьма скромнен, будучи ограниченным случаями наглядного сходства между предметами. Ибо таков был замысел Бога, вложившего сигнатуры лишь в некоторые творения, чтобы они, подобно редким дорожным знакам, могли направлять людей в деле опытного познания мира. Один из авторов этой версии, виттенбергский врач и ученый Даниил Зеннерт (1572–1637) уже считал безрассудным устранять кардинальное различие между изначальной когнитивной конституцией Адама и любым историческим, сколь угодно праведным и гениальным, естествоведом. Если праотец был наделен «до грехопадения врожденным знанием творений и, в соответствии с ним, смог дать всем вещам [их] настоящие имена, то после его падения природа больше не дарует это никому из людей»¹¹ [Sennertus 1619, 121]. Таким образом, именно потому, что путь Адама неведом нам, а его язык всецело утерян, мы обречены быть эмпириками, добывающими знание из чувственного опыта, ненадежность которого Творец восполнил постоянными и очевидными знаками, учащими ориентироваться в лабиринте природы [Sennertus 1619, 117–125, 589–606; Coles 1657].

Напротив, мистическое крыло парацельсианства, чрезвычайно активное в первой половине XVII века, питало уверенность в том, что когнитивная ущербность смертных может преодолеваться в акте благодатной иллюминации. При этом часто речь шла не только об индивидуальном озарении – то было время, когда духовная атмосфера Запада была накалена эсхатологическими ожиданиями. Особенно велики они были в протестантских странах, где одни трепетали в предчувствии апокалипсиса, а другие чаяли последней – радикальной – Реформации, обещавшей установить на Земле тысячелетнее царство Христово¹². С наступлением этой эры мир, учили милленаристы, «очнется от тяжелого сна» и до завершения своей истории пребудет в зените своей интеллектуальной силы, сопряженном с земным благоденствием и духовным расцветом [Confessio... 1999, 439]. Говоря словами «Исповедания братства» (Confessio Fraternitatis, 1614) загадочных розенкрейцеров – эзотерического союза, выдуманного или созданного несколькими германскими интеллектуалами на заре «века гениев», – эти дары станут плодами «благословения, ниспосланного на наш век» [Confessio... 1999, 438]. Наследники Парацельса по религиозно-мистической линии, розенкрейцеры настоя-

¹¹ «Et si enim Adamo ea inerat rerum ante lapsum Cognitio, ut ijs omnibus secundam suam scientiam vera nomina imponere posset: nulli tamen homini post lapsum a naturae hoc amplius concessum est».

¹² Картину апокалипсических и милленаристских настроений на Западе в начале Нового времени см. в: [Johnston 2011; Millenarianism... 2001; Yates 2003, 58–81].

чиво акцентировали идею духовной избранности и посвящения в тайну, что было естественно для тайного общества. Если мир в целом стоит на пороге тотального преображения, то уже есть те, кто по милости Божией перешагнул этот порог и вещает миру из блаженного царства, которое пока еще находится внутри них. Эти избранные в совершенстве понимают «великую книгу Природы, открытую (потенциально. – А. К.) всем людям» и равновеликую Библии [Confessio... 1999, 438–439]. Ибо «те же самые письмена и буквы, которые Бог повсюду рассеял в Священном Писании, запечатлел Он явно и на своем чудесном творении – на Небе, на Земле и даже на всех зверях», – учат авторы «Исповедания» [Confessio... 1999, 439]. В отличие от Парацельса и Кролла, они видят в природных знаках прежде всего знамения, вещающие о будущем, а не источник медицинского знания. Вместе с тем розенкрейцеры продолжают осмысливать сигнатуры в тесной связи с адамической проблематикой. Как гласит их памфлет, они познали обе книги Творца и, с блеском повторив «путь Адама», создали из сигнатур «свои магические письмена и придумали новый язык, удобный для выражения и изъяснения натуры всех вещей» [Confessio... 1999, 439]. Устремленные в грядущее, идеологи Братства не говорят о своем деянии в терминах реставрации первозданного языка и мудрости. Свою фиктивную систему они, как кажется, оценивают более скромно, и эту скромность будут разделять в дальнейшем практически все реальные создатели универсальных языков – паллиативов против «вавилонизации» мира, когда иссякнут надежды на возвращение языка Эдема¹³. Но в то же время розенкрейцеры постулируют преемственность, соединяющую их творение с «языком наших праотцев, Адама и Еноха» и потому решительно отличающую их систему от всех известных исторических наречий [Confessio... 1999, 439].

Программа Уэбстера

Семиотическая мысль создателей «Confessio Fraternitatis», одного из самых ярких миллениаристских текстов той эпохи, развивалась в точке пересечения ретро- и перспективного направлений, сосуществовавших в адамическом проекте на поздней ступени его развития. Для того, чтобы образовать свой новый/старый язык, они, по их свидетельству, должны были найти необходимый «сигнатурный» материал, причем оба этих шага не могли осуществиться без содействия свыше. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в спекуляциях Джона Уэбстера (1610–1682), пуританского служителя и врача. Как розенкрейцеры и ряд других протестантских мыслителей той эпохи: Кролл, Бёме, Коменский, – эхо чьих идей звучит в его «Экзаменации академий» (*Academiarum examen*, 1654), Уэбстер верит в непогрешимую «симфонию» обеих Книг Бога. Но если Библия, еще недавно скрываема

¹³ Лучшие исследования, посвященные проектам универсального языка в XVII веке, см. в: [Maat 2004; Slaughter 1982].

«папистами», усилиями реформаторов была возвращена народам, то Природа, всегда доступная взору смертных, некогда оказалась и все еще остается в пренебрежении [Webster 1654, 19–20]. Наш пуританин обвиняет в этом культ гуманистической учености с ее превознесением филологии и практической бесплодностью, вторя печальному диагнозу, поставленному современной культуре в «Исповедании братства»¹⁴ [Webster 1654, 19–21, 33]. Соответственно, панацеей может стать категорический отказ от построения профанной культуры и новое обращение к природе, которая оставалась для Уэбстера написанной на языке эмблем и иероглифов. В каждом творении он видит «живую и говорящую картину, произносящий проповедь символ»¹⁵ [Webster 1654, 30].

Вместе с тем, разочарованный несбывшимися посулами розенкрейцеров, он критикует тех, кто вслед за Парацельсом считал сигнатуры легко постижимым предметом и сводил их к признакам внешнего сходства между вещами [Webster 1654, 30]. Сам Адам создал свой совершенный язык не потому, что был въедливым эмпириком, сумевшим распознать в природе «предустановленное искусство». Этот язык был вложен в праотца при творении как ответ, отзвук божественного гласа Всевышнего, Всесозидающего «Fiat!». Пребывая в этом гласе, «все сотворенное являет мудрость, мощь и славу Источника и Бездны, его произведших»¹⁶ [Webster 1654, 28]. По словам Уэбстера, Адам осознанно «жил в языке Отца», чего, увы, нельзя сказать о его потомках, подавленных грехопадением [Webster 1654, 28]. Что в таком случае следует делать им? Ища ответ, автор «Экзаменации» заметным образом колеблется между максималистской и минималистской программы. Первая из них была навеяна адамическими спекуляциями «химиков» и приверженцев древнеегипетской версии, тогда как вторая – проектами рационального универсального языка, все сильнее занимавшими умы ученых в то время. Максималистская программа имела целью постижение «языка природы», который, мы знаем, сближался с наречием Адама в писаниях Якоба Бёме (1575–1624), упоминаемого в этой связи Уэбстером [Webster 1654, 27–28]. Задачей минималистского плана было создание (или, как говорят

¹⁴ Ср.: «Что же принадлежит до изменения и усовершения Философии, то мы не однажды... заявляли, что она именно больна и во многом ущербна, и хотя большей частью утверждается, будто бы она (уж не знаем почему) находится в крепости и здравии, мы нимало не сомневаемся, что она лежит при последнем издыхании и близка к своей кончине» [Confessio... 1999, 432, 437–438].

¹⁵ «Living and speaking pictures, [not as dead letters, but as] preaching symbols». Вопреки авторитетному мнению П. Харрисона о прямом влиянии буквалистской экзегезы протестантов на подъем буквально воспринимающего разума в эпоху Научной революции XVI–XVII веков, символическое понимание природы всего дольше сохранялось именно в среде радикальных протестантских деноминаций [Harrison 1998; Fissel, Cooter 2008, 146–147; Zakai 2010, 17–26, 231–73].

¹⁶ «The wisdom, power, glory, and might of the transcendent central Abyss of unity, from whence they did arise».

единожды автор, «discovery» – «открытие») универсальной знаковой системы, имеющей прежде всего визуально-графический характер. Хотя пуританин охотно подчеркивает утилитарные выгоды, которые обещал доставить этот «посредник между народами», новоявленная система должна была сделаться средством для врачевания всех последствий Вавилонской катастрофы, включая когнитивно-эпистемологические. Уэбстер представляет эту систему в качестве более эффективного инструмента познания и трансляции знаний, чем наличные языки. Действенность этой системы должна проистекать не из стоящей за ней *Kunst signata*, ибо ключи к «предустановленному искусству» в целом утрачены [Webster 1654, 30]. Краеугольным камнем своего замысла наш автор делает совершенно иное представление, игравшее первостепенную роль в новой философии языка XVII века, – ментализм, в соответствии с которым каждая воспринимаемая человеком вещь отпечатывает в его сознании свой «идеальный образ» (*ideal-shape*) [Webster 1654, 22]. Как многие в тот период, Уэбстер верил, что если транспонировать этот – единый у всех – образ в адекватную внешнюю форму, можно создать искомую систему знаков. Похоже, что ментализм также фундировал его максималистскую программу, теоретические основы которой не обозначены с достаточной ясностью. Вместо того, чтобы, как «химики», ссылаться на учение о сигнатурах, чей смысл понятен лишь преображенным Духом, автор «Экзаменации» апеллирует к иероглифике, стегано- и криптографии – этим сакрально-мистическим и профанно-техническим средствам коммуникации. Находя их подобными по устройству его системе в ее слабой («the universal character») и сильной («the language of nature») версиях, Уэбстер считал, что они тоже строились на переводе ментальных образов в графические изображения [Webster 1654, 25–26].

Заключение

Культурный подъем учения о сигнатурах, проявлявшийся в высоком доверии, которое оказывалось связанным с ним «искусствам» (физиогномике, хиромантии и проч.), и в самой их поразительной множественности, претендовавшей на «прочтение» *всей* природы, – проясняет причины оттеснения собственно лингвистической проблематики в адамических спекуляциях Парацельса и его последователей. Впрочем, не только оттеснения, но и своеобразной подмены, в ходе которой осмысление природных знаков, взятых в их тотальности, постепенно оформлялось в новом квази-лингвистическом понятии языка природы, сближавшемся (порой до отождествления) с языком Адама. Самую фундаментальную разработку этого понятия (*Natursprache*) предложил уже упоминавшийся Якоб Бёме, немецкий мистик и теософ, продвинувший развитие парацельсианской доктрины о природных знаках и первозданном языке [Карабыков 2018]. В отличие от Бёме, большинство ортодоксальных парацельсианцев использовало адамический нарратив в основном для

богословской легитимизации своей деятельности, которая направлялась утилитарным, по преимуществу фармацевтическим, мотивом и разворачивалась в смежных сферах медицины, натуральной магии и алхимии. Напротив, те из «химических» философов, кто размышлял всерьез о существе и воссоздании совершенного языка, осознавая трудность этой задачи, приходили к созданию комбинированных стратегий. В соответствии с ними, исследование природных знаков должно было дополняться сходящим свыше озарением его субъекта (Бёме, Эллистоун и т.д.) или созданием новой знаковой системы, заменяющей первоязык (розенкрейцеры, Уэбстер и др.). Особое место занимала слабая версия «сигнатурной» доктрины (Зеннерт, Коулз, Сала и др.), которая примирляла парацельсианские и галенистские принципы и утверждала *относительную* ценность познания сигнатур, явно недостаточную для решения адамической проблематики. Таким образом, интеллектуалы этого толка, уверенные в том, что изначальный язык утрачен и не может быть воссоздан в настоящих условиях, приближали адамический проект к логическому завершению.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Карабыков 2014 – *Карабыков А.В.* «И нарек человек имена...»: стратегии воссоздания адамического языка в культуре Ренессанса // *Человек*. 2014. № 5. С. 114–131.

Карабыков 2018 – *Карабыков А.В.* Язык, бытие, история в теософии Якоба Бёме // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 126–142.

Майер 2014 – *Майер П.* Парацельс – врач и провидец. Размышления о Теофрасте фон Гогенгейме. М.: Новый Акрополь, 2014.

Парацельс 2018 – *Парацельс*. О нимфах, сильфах, пигмеях, саламандрах и о прочих духах. – М.: Эксмо, 2005.

Agrippa 1533 – *Agrippa ab Netteszheim H.C.* De Occulta Philosophia. Libri Tres. – Coloniae, 1533.

Agrippa 2004 – *Agrippa von Nettesheim H.C.* Three Books of Occult Philosophy / trans. by J. Freake. – St. Paul, MN: Llewellyn, 2004.

Bianchi 1987 – *Bianchi M.L.* Signatura rerum: segni, magia e conoscenza da Paracelso a Leibniz. – Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1987.

Bono 2008 – *Bono J.J.* The Two Books and Adamic Knowledge: Reading the Book of Nature and Early Modern Strategies for Repairing the Effects of the Fall and of Babel // *Nature and Scripture in the Abrahamic Religions: Up to 1700* / ed. by W. Janse. Vol. I. – Leiden, Boston: Brill, 2008. P. 299–339.

Coles 1657 – *Coles W.* Adam in Eden: or, Natures Paradise, The History of Plants, Fruits, Herbs and Flowers. – London: Printed by J. Streater, for Nathaniel Brooke, 1657.

Confessio... 1999 – *Confessio Fraternitatis*, или Исповедание достохвального Братства всецетимого Розового Креста, составленное для уведомления всех ученых мужей Европы / пер. А.Я. Ярина // *Йейтс Ф.* Розенкрейцерское Просвещение. – М.: Алетея, Энигма, 1999. С. 431–442.

Crollius 1643a – *Crollius O.* Basilica chymica: pluribus selectis et secretissimis propria manuali experientia approbatis descriptionibus, et usu Remdiorum chymicorum selectissimorum. – Genevae: Chouet, 1643.

Crollius 1643b – *Crollius O.* Tractatus de Signaturis internis rerum, seu de vera et viva anatomia majoris & minoris mundi // *Crollius O.* Basilica chymica: pluribus selectis et secretissimis propria manuali experientia approbatis descriptionibus, et usu Remdiorum chymicorum selectissimorum. – Genevae: Chouet, 1643.

Debus 1977 – *Debus A.G.* The Chemical Philosophy: Paracelsian Science and Medicine in the Sixteenth and Seventeenth Centuries (Vols 1–2). – New York: Science History Publications, 1977.

Ellistone 1651 – *Ellistone J.* Preface to the Reader // *Behmen J.* Signatura rerum, or, The Signature of All Things [...]. – London: Printed by John Macock for Gyles Calvert, 1651.

Fabricius 1653 – *Fabricius W.A.* Ἀπόρρημα βοτανικόν. De signaturis plantarum. – Norimbergae: Wolfg. Endterus, 1653.

Fissel, Cooter 2008 – *Fissel M., Cooter R.* Exploring Natural Knowledge: Science and the Popular // The Cambridge History of Science. Vol. 4: Eighteenth-Century Science / ed. by R. Porter. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 129–158.

Haferland 1989 – *Haferland H.* Mystische Theorie der Sprache bei Jacob Böhme // Theorien vom Ursprung der Sprache / hrsg. J. Gessinger, W. von Rahden. Bd. II. – Berlin: de Gruyter, 1989. S. 89–130.

Harrison 1998 – *Harrison P.* The Bible, Protestantism, and the Rise of Natural Science. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1998.

Johnston 2011 – *Johnston W.* Revelation Restored: The Apocalypse in Later Seventeenth-Century England. – Woodbridge: Boydell & Brewer, 2011.

Maat 2004 – *Maat J.* Philosophical Languages in the Seventeenth Century: Dalgarno, Wilkins, Leibniz. – Dordrecht: Springer, 2004.

Millenarianism... 2001 – Millenarianism and Messianism in Early Modern European Culture. Vol. 4: Continental Millenarians: Protestants, Catholics, Heretics / ed. by J.C. Laursen, R.H. Popkin. – Dordrecht: Springer, 2001.

Pagel 1982 – *Pagel W.* Paracelsus. An Introduction to Philosophical Medicine in the Era of Renaissance. – Basel; München: Karger, 1982.

Paracelsus 1894 – *Paracelsus.* The Hermetic and Alchemical Writings of Aureolus Philippus Theophrastus Bombast of Hohenheim, Called Paracelsus the Great / trans. by Arthur E. Waite. Vol. 1. – London: J. Elliott and Co., 1894.

Paracelsus 1928 – *Paracelsus T. von H.* Sämtliche Werke. I. Abteilung: Medizinische, naturwissenschaftliche und philosophische Schriften. 11. Band / hrsg. von K. Sudhoff. – München; Berlin: K. Oldenbourg, 1928.

Paracelsus 1930a – *Paracelsus T. von H.* Sämtliche Werke. I. Abteilung: Medizinische, naturwissenschaftliche und philosophische Schriften. 2. Band / hrsg. von K. Sudhoff. – München; Berlin: K. Oldenbourg, 1930.

Paracelsus 1930b – *Paracelsus T. von H.* Sämtliche Werke. I. Abteilung: Medizinische, naturwissenschaftliche und philosophische Schriften. 3. Band / hrsg. von K. Sudhoff. – München; Berlin: K. Oldenbourg, 1930.

Porta 1619 – *Porta I.B. Magiae naturalis libri viginti.* – Hanoviae: Typis Wecheliani, 1619.

Sennertus 1619 – *Sennertus D. De chymicorum cum Aristotelicis et Galenicis consensu ac dissensu.* – Wittebergae: Zaharia Shurerus, 1619.

Slaughter 1982 – *Slaughter M. Universal Languages and Scientific Taxonomy in the Seventeenth Century.* – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982.

Webster 1654 – *Webster J. Academiarum Examen, Or, The Examination of Academies: Wherein is Discussed and Examined the Matter, Method and Customes of Academick and Scholastick Learning* [...]. – London: Giles Calvert, 1654.

Willard 1989 – *Willard Th. Rosicrucian Sign Lore and the Origin of Language* // *Theorien vom Ursprung der Sprache* / hrsg. J. Gessinger, W. von Rahden. Bd. II. – Berlin: de Gruyter, 1989. P. 131–157.

Yates 2003 – *Yates Fr.A. The Rosicrucian enlightenment.* – London, New York: Routledge, 2003.

Zakai 2010 – *Zakai A. Jonathan Edwards's Philosophy of Nature: The Re-enchantment of the World in the Age of Scientific Reasoning.* – London, New York: T&T Clark, 2010.

REFERENCES

Agrippa ab Netteszheim (1533) *De Occulta Philosophia* (Libri tres). Coloniae (in Latin).

Agrippa von Nettesheim H.C. (2004) *Three Books of Occult Philosophy* (J. Freake, Trans.). St. Paul, MN: Llewellyn.

Bianchi M.L. (1987) *Signatura rerum: segni, magia e conoscenza da Paracelso a Leibniz.* Roma: Edizioni dell'Ateneo (in Italian).

Coles W. (1657) *Adam in Eden: or, Natures Paradise, The History of Plants, Fruits, Herbs and Flowers.* London: Printed by J. Streater, for Nathaniel Brooke.

Confessio Fraternitatis or The Confession of the Laudable Fraternity of the Most Honorable Order of the Rosy Cross, Written to All the Learned of Europe (2003). (F.A. Yates, Trans.). In: Yates F.A. *The Rosicrucian Enlightenment* (pp. 312–322). London, New York: Routledge.

Crollius O. (1643a) *Basilica chymica: pluribus selectis et secretissimis propria manuali experientia approbatis descriptionibus, et usu Remdiorum chymicorum selectissimorum.* Genevae: Chouet (in Latin).

Crollius O. (1643b) *Tractatus de Signaturis internis rerum, seu de vera et viva anatomia majoris & minoris mundi.* In: Crollius O. *Basilica chymica: pluribus selectis et secretissimis propria manuali experientia approbatis descriptionibus, et usu Remdiorum chymicorum selectissimorum.* Genevae: Chouet (in Latin).

Debus A.G. (1977) *The Chemical Philosophy: Paracelsian Science and Medicine in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* (Vols. 1–2). New York: Science History Publications.

Ellistone J. (1651) Preface to the Reader. In: Behmen J. *Signatura rerum, or, The Aignature of All Things* [...]. London: Printed by John Macock for Gyles Calvert.

Fabricius W.A. (1653) *Ἀπόρρημα βοτανικόν. De signaturis plantarum.* Norimbergae: Wolfg. Endterus (in Latin).

Formigari L. (1988) *Language and Experience in 17th-century British Philosophy.* Amsterdam: John Benjamins B.V.

Haferland H. (1989) *Mystische Theorie der Sprache bei Jacob Böhme*. In: Gessinger J. & von Rahden W. (Eds.) *Theorien vom Ursprung der Sprache* (Vol. 2, pp. 89–130). Berlin: De Gruyter (in German).

Harrison P. (1998) *The Bible, Protestantism, and the Rise of Natural Science*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Johnston W. (2011) *Revelation Restored: The Apocalypse in Later Seventeenth-Century England*. Woodbridge: Boydell & Brewer.

Karabykov A.V. (2014) “So the Man Gave Names”: The Strategies of Reconstitution of the Adamic Language in Renaissance Culture. *Chelovek*. No. 5, pp. 114–131 (in Russian).

Karabykov A.V. (2018) Language, Being, History in Jacob Boehme’s Theosophy. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. No. 11, pp. 126–142 (in Russian).

Laursen J. Ch., Popkin R.H. (Eds.) (2001) *Millenarianism and Messianism in Early Modern European Culture. Vol. IV: Continental Millenarians: Protestants, Catholics, Heretics*. Dordrecht, Boston, London: Springer.

Maat J. (2004) *Philosophical Languages in the Seventeenth Century: Dalgarno, Wilkins, Leibniz*. Dordrecht: Springer.

Meier P. (1993) *Paracelsus: Arzt Und Prophet Annäherungen an Theophrastus von Hohenheim*. Zürich: Ammann Verlag (in German).

Pagel W. (1982) *Paracelsus. An Introduction to Philosophical Medicine in the Era of Renaissance*. Basel: Karger.

Paracelsus T. von H. (1928) *Sämtliche Werke. I. Abteilung: Medizinische, naturwissenschaftliche und philosophische Schriften* (K. Sudhoff, Ed.; Vol. 11). München: K. Oldenbourg (in German).

Paracelsus T. von H. (1930a) *Sämtliche Werke. I. Abteilung: Medizinische, naturwissenschaftliche und philosophische Schriften* (K. Sudhoff, Ed.; Vol. 2). München: K. Oldenbourg (in German).

Paracelsus T. von H. (1930b) *Sämtliche Werke. I. Abteilung: Medizinische, naturwissenschaftliche und philosophische Schriften* (K. Sudhoff, Ed.; Vol. 3). München: K. Oldenbourg (in German).

Porta I.B. (1619) *Magiae naturalis libri viginti*. Hanoviae: Typis Wecheliani (in Latin).

Sennertus D. (1619) *De chymicorum cum Aristotelicis et Galenicis consensu ac dissensu*. Wittebergae: Zaharia Shurerus (in Latin).

Webster J. (1654) *Academiarum Examen, Or, The Examination of Academies: Wherein is Discussed and Examined the Matter, Method and Customes of Academick and Scholastick Learning* [...]. London: Giles Calvert (in Latin).

Willard Th. (1982) *Rosicrucian Sign Lore and the Origin of Language*. In: Gessinger J. & von Rahden W. (Eds.) *Theorien vom Ursprung der Sprache* (Vol. 2, pp. 131–157). Berlin: De Gruyter.

Yates Fr.A. (2003) *The Rosicrucian Enlightenment*. London: Routledge.

Zakai A. (2010) *Jonathan Edwards’s Philosophy of Nature: The Re-enchantment of the World in the Age of Scientific Reasoning*. London: T&T Clark.